

*Протоиерей Серафим Ган**

ПРОТОИЕРЕЙ РОСТИСЛАВ ГАН (1911–1975) И ЕГО ПЕРЕПИСКА С РУССКИМИ СВЯТОГОРЦАМИ

В статье рассказывается о жизни отца Ростислава Гана, его общении с русскими святогорцами на основании писем, сохранившихся в семейном архиве.

Ключевые слова: протоиерей Ростислав Ган, Святая Гора, Афон, Церковь, богослужebные книги, переписка, монастырь, монах, молитва.

Ростислав Адольфович Ган родился 16 июля 1911 года в Маньчжурии на станции Чжалантунь Китайской Восточной железной дороги (КВЖД) в семье штабс-капитана IV Заамурского Железнодорожного батальона Адольфа Александровича Гана и его супруги Серафимы Николаевны, урожденной Курочкиной. Образование будущий священник начал в Железнодорожном Коммерческом

* Автор — управляющий делами канцелярии Архиерейского Синода РПЦЗ, секретарь Первоиерарха РПЦЗ митрополита Илариона (Капрала).

училище КВЖД, закончил в гимназии Христианского Союза молодых людей в 1928 году. В том же году поступил в Харбинский Политехнический институт на инженерно-строительный факультет. Параллельно с учением в Политехническом институте он учился на Харбинских богословских курсах.

Духовным наставником Ростислава был архимандрит Ювеналий (Килин)¹, настоятель Казанско-Богородицкого мужского монастыря в Харбине. До эмиграции отец Ювеналий подвизался в Белогорской мужской обители Пермской епархии, прозванной народом «Сибирским Афоном». Отец Ювеналий был ближайшим помощником настоятеля архимандрита Варлаама (Коноплева). Он сопровождал будущего преподобномученика Варлаама и игумена Серафима (Кузнецова) в их паломнических поездках по монастырям Российской империи, Афона и Святой Земли, неоднократно служил и встречался с праведным Иоанном Кронштадтским. Впоследствии отец Ювеналий поддерживал обширную переписку с русскими святогорцами. Будучи редактором духовно-нравственного журнала «Хлеб небесный», печатавшегося в типографии Казанско-Богородицкого монастыря в Харбине, отец Ювеналий помещал в нем статьи и проповеди афонских подвижников, их письма и воззвания, отрывки из их дневников, сообщения о состоянии святогорских обителей, о торжествах и литургической жизни монастырей. Переписка отца Ювеналия с игуменами, духовниками и насельниками русских обителей на Афоне, в том числе и с бывшим пермским губернатором А.В. Болотовым, ставшим афонским иноком Амвросием, заслуживает отдельного доклада.

Закончив образование, Ростислав намеревался вступить на путь монашества. Как рассказывали родственники, будучи уже женатым священником, он носил вериги под подрясником. Не получив благословения матери на поступление в монастырь, Ростислав пришел к архимандриту Ювеналию и поведал ему о своей скорби. Выслушав

молодого человека и приняв во внимание пожелание его матери, архимандрит Ювеналий решил познакомить его со своей внучатой племянницей Софией Юминой, дочерью мученически пострадавшего в Пермской епархии иерея Константина Юмина. Бракосочетание состоялось 9 февраля 1936 года. К тому времени отец Ювеналий был хиротонисан во епископа. И на Сретение того же года он рукоположил Ростислава во диакона, а на следующий день — во пресвитера. В том же году Ростислав прибыл в Шанхай для служения настоятелем храма великомученика Димитрия Солунского при коммерческом училище. Здесь же он преподавал Закон Божий и математику. В то время епископом Шанхайским, викарием Пекинской епархии, был святитель и чудотворец Иоанн (Максимович), с первой встречи полюбившего молодого иерея. Помимо молитвенного общения за богослужениями в кафедральном соборе, отец Ростислав много времени проводил со святителем и беседовал с ним на богословско-аскетические и церковно-исторические темы. В 1938 году отец Ростислав был переведен в Тяньзин. Провожая отца Ростислава, святитель Иоанн говорил: «С его отъездом я теряю кусочек своего сердца».

Будучи настоятелем Серафимовского храма в Тяньзине, отец Ростислав часто посещал Русскую Духовную Миссию в Пекине и выполнял поручения ее начальника архиепископа Виктора (Святина). Здесь он познакомился с бывшим насельником Ново-Афонского монастыря иеромонахом Модестом (Шутом), в 1960-х годах поступившим в число братии русского Пантелеимонова монастыря на Афоне².

В конце 1946 года отец Ростислав возвращается в Харбин, где назначается настоятелем Спасо-Преображенской церкви в Корпусном городке и благочинным Богородице-Владимирской женской обители. Здесь он пребывал до своего отъезда в Австралию в январе 1953 года. В этот период отец Ростислав принимает деятельное участие в работе епархиальной типографии, редактируя

издание «Песнослава» в трех частях, Служебника и других богослужебных книг.

В конце 1940-х годов епископ Ювеналий уехал в СССР, где был назначен правящим архиереем Челябинской епархии. Прощаясь с родственниками, владыка Ювеналий передал отцу Ростиславу много ценных книг и икон с Афона с монастырскими печатями и надписями, сделанными монашествующими. В Служебнике, принадлежавшем владыке Ювеналию, по которому имею милость Божию служить Литургию Преждеосвященных Даров, есть следующая надпись схимонаха Денасия (Юшкова)⁵, насельника русского Пантелеимонова монастыря: «По сей книжке батюшка отец Иероним⁴ Великим постом по приобщении Святых Таин на Преждеосвященной Литургии в параклисе преподобного Сергия читал благодарственные молитвы. Экклисиарх монах Денасий. 18 ноября 1885» года.

Прибыв в Австралию, отец Ростислав, по рекомендации святителя и чудотворца Иоанна (Максимовича), служившего в то время в Западной Европе, принимается в клир Австралийско-Новозеландской епархии Русской Зарубежной Церкви и назначается настоятелем Покровского прихода в одном из районов Сиднея, где пробыл до самой своей кончины. Здесь он развивает кипучую деятельность. У общины в то время не было своего храма. Отец Ростислав вдохновил приход на постройку своей церкви. Был куплен участок и старый армейский барак, в котором и была устроена небольшая приходская церковь. На этом отец Ростислав не останавливается, он планирует постройку большого каменного храма. Объединив деятельных и трудолюбивых прихожан, он начинает сбор средств на сооружение храма, и в 1957 году начинается строительство церкви.

В 1973 году златоглавый храм в честь Покрова Пресвятой Богородицы с церковным залом и помещением для Пантелеимоновского храма в подвальном этаже полностью готов. На территории храма был построен большой дом для престарелых. Деятельность отца Ростислава была

обширна, т.к. кроме регулярных богослужений в церкви и исполнения треб в круг его обязанностей входило посещение русских больных в различных частях города, преподавание православным ученикам австралийских школ Сиднея и на открытых им пастырско-богословских курсах Австралийско-Новозеландской епархии Русской Зарубежной Церкви. Он был одним из главных инициаторов по организации комитета по спонсированию русских беженцев из коммунистического Китая. Отец Ростислав был старшим духовником православных заключенных в тюрьмах штата Новый Южный Уэльс. У него исповедовались и православные священнослужители различных юрисдикций, несущие свое служение в Австралии. По его инициативе в Покровском приходе был организован детский хор, готовивший церковных певчих. Раз в месяц дети пели всю воскресную Литургию самостоятельно или антифонно с церковно-приходским хором. При Покровской церкви по субботам работала русская церковно-приходская школа, где, помимо Закона Божия, дети изучали русский язык, литературу и историю, а по воскресеньям старшая молодежь собиралась с отцом Ростиславом для бесед на духовные и философские темы.

Будучи знатоком богослужебного устава, отец Ростислав помещал свои статьи по литургике в журнале «Православная Русь», а составленный им «Песнослов» был переиздан Свято-Троицким монастырем в Джорданвилле. Кончина помешала ему издать собрание малоизвестных в русской богослужебной литературе тропарей и кондаков из сербских и болгарских источников. Непременно на первой и Страстной седмицах Великого поста и в некоторые другие дни года в Покровском храме совершались уставные богослужения с поучениями, пользовавшимися большой популярностью. «Очень запомнилась одна уставная служба, — рассказывал Л.Ф. Быханьков. — Она началась в 6 часов вечера и закончилась в 5 часов утра. Сослужили отцу Ростиславу несколько сиднейских священников, пел

сборный мужской хор из нескольких храмов. Порядок богослужения был взят афонский — читалось много поучений святых отцов, а для подкрепления телесных сил раздавали благословленные на литии хлеб и вино. Настроение почти у всех было, как на Пасху»⁵.

Смерть отца Ростислава последовала в результате сложной сердечной операции, которую его ослабленный многолетней астмой организм не смог перенести. Предчувствуя скорую кончину, он испросил прощения у духовенства и прихожан, исповедовался и причастился Святых Христовых Таин, приготовил облачение к погребению и составил завещание. Скончался он 8 декабря 1975 года, лишь за два месяца до 40-летия своего пастырского служения Церкви Христовой. Несмотря на все радости, испытываемые им в семейной жизни и пастырском служении на одном из самых больших приходов Русской Зарубежной Церкви (в то время он насчитывал более 350 русских православных семейств), отец Ростислав активно искал монашеского безмолвия, о чем свидетельствует письмо священноархимандрита Иустина, игумена Пантелеимонового монастыря, написанное 21 марта 1956 года: «Что касается Вашей личной просьбы и желания поступить в число братии нашего монастыря, то Ваша просьба была доложена на собрании старцев монастыря и *было выражено согласие на прием Вас в число братии* (подчеркнуто архимандритом Иустином. — С.Г), при этом было выражено желание ориентировать Вас здесь, чтобы это не было неожиданностью, если Господь приведет Вас к нам на Афон. Нужно иметь в виду, что жизнь монахов на Афонском полуострове (где расположены 20 монастырей, из них 17 греческих, 1 сербский, 1 болгарский и 1 наш русский, не считая мелких скитов и келлий, которые *не самостоятельны* и живут на землях греческих монастырей) очень скучная и однообразная. Вы почти никого не видите кроме монахов и рабочих и несете свое послушание. Год тому назад трое мирских священников из Сербии по их просьбе были приняты в сербский Хилендарский монастырь, а теперь

они тяготятся своей скучной жизнью здесь и хотят уехать, привыкши к мирской жизни. Поэтому приходится каждому сильно подумать: сможет ли его удовлетворить однообразная монастырская жизнь среди простых старцев-монахов, имея, конечно, в виду свое душевное спасение. Правда, у нас в монастыре богатая библиотека, где есть творения всех святых отцов Церкви — перечитать их, пожалуй, не хватит и жизни. Кроме того, в нашем монастыре собрано очень (в алтаре Покровского храма) много больших святынь: часть Животворящего Древа Господня, чудотворные иконы и около 250 частиц мощей различных святых. Всех монахов у нас сейчас 79 человек (тогда как до I мировой войны их было более 1500, поэтому большинство зданий свободно), большинство из них старики 65–85 лет, самые молодые 52–65 лет, т.к. вот уже 28 лет, как здесь не разрешали поступать новым в наши обители. В прошлом году впервые удалось одному 58-летнему, приехавшему из Парижа, задержаться у нас и попасть в число братии. Это нас ободрило. Мы попросили митрополита Анастасия⁶ объявить это повсюду вместе с новыми правилами властей о допущении в Грецию лиц, которых Афонские обители согласны принять. Но до сих пор еще никто по этим новым правилам к нам не принят, поэтому прежде чем предпринимать что-либо окончательно, по нашему мнению (нам здесь виднее), необходимо выяснить у греческого консула, представив ему все необходимые документы, — даст ли он беспрепятственно Вам визу сюда *на постоянное жительство на Афоне*, а не временную туристическую. Мы думаем, что консул не сможет сам дать ответ и запросит свое правительство. И после положительного ответа последнего, Вы можете действовать окончательно. Всё это мы пишем, чтобы Вы не попали в трудное положение, не имея полной ориентировки с местом. Если же, даст Бог, будет всё благополучно, то, повторяю, мы будем рады видеть Вас у себя в числе братии»⁷.

Из сохранившихся в семейном архиве писем, полученных отцом Ростиславом с Афона, это одно из самых

ранних, и говорит об уже установившейся переписке его с афонцами. Дело в том, что отец Ростислав, будучи настоятелем большого прихода, руководителем сиднейских богословских курсов, старшим духовником и благочинным местной женской обители и отцом троих сыновей, учившихся в Джорданвилльской семинарии, покупал у русских святогорцев старинные книги богослужебные, святоотеческие и духовно-нравственного содержания и снабжал ими всех своих подопечных. Отец Ростислав, поддерживая святогорцев, покупал и церковную утварь для своего храма и женского монастыря. Каждому сыну, например, отец Ростислав подарил по напрестольному Евангелию в благословение на будущее служение Церкви. В письмах архимандрита Евгения (Жукова), настоятеля русской общежительной обители Архистратига Михаила, приводятся длинные списки присылаемой им в Австралию душеполезной литературы и церковной утвари, которой многим обеспечивалась нормальная церковная жизнь согласно привычной нам святорусской традиции. К сожалению, кроме общих приветствий и добрых пожеланий, в письмах от отца Евгения очень мало сообщается о жизни святогорцев.

И схимонах Никодим, известный подвижник Карульский, присылал отцу Ростиславу как книги, так и утварь. Так, в 1959 году отец Никодим писал: «Посланы Вам 8 книг Жития Святых... Служебник просимый есть, но не запечатан — надо подать прошение на разрешение. Ждите. Теперь посылаю Вам „Месяцеслов“ Косолапова, хотя Вы и не просили его, а, думаю, нужен будет для Вас. Запечатаны 4 книги служб в посту первой седмицы и Страстной каждой по две книги. Если Вам нужны, то известите, и я пошлю. Каждая по 10 долларов. Запечатаны Октоихи большого и малого формата, Триоди постные и цветные»⁸. В другом письме от 1968 года он пишет: «Посылаю теперь Вам посылку морем: камилавку, кресты и параманы. Белый параман от моего иеросхимонаха Се-

рафима, а старенький с бисерами от меня, моего старца-иеросхимонаха Феодосия, пропитан его потом. Надеюсь, будет мил, кому он достанется»⁹.

Отец Ростислав получал книги и от игумена Модеста (Шута), жившего в Пантелеимоновой обители в 1960-х годах. Вот что пишет отец Модест в письме от 7 сентября 1964 года: «Что касается книг, то один монах обещает подготовить для Вас все книги (14 книг) жизнеописаний русских подвижников XVIII и XIX веков; только денег раньше получения не высылайте. Служебных книг Минеи теперь невозможно достать, а более новых выпусков и не было в обители уже при мне. Четьи-Минеи только на славянском языке можно достать, а на русском языке с изображениями нигде нельзя достать, а также и минеи архиепископа Филарета Черниговского нет в продаже. Просимых Вами святцев ни за какие деньги нельзя достать, всё это распродано раньше»¹⁰.

Судя по письмам старца Никодима, отца Ростислава интересовали и вопросы, связанные с жизнью святогорцев, наставлениями старца Феодосия и других монахов. «По Вашей просьбе, — пишет отец Никодим 28 апреля 1954 года, — о старце батюшке Феодосии я, как верный и любимый его ученик, пишу Вам истинно; и к Вашим услугам с усердием готов, насколько будет возможно, и что Вам угодно будет, с удовольствием вышлю. Батюшка писательством не занимался, его стремление было только к безмолвию и молитве, и что Вы получили такое известие о нем, это приснопамятный отец протоиерей Петр Беловидов¹¹ из особого своего благоволения и почитания к нему, от незнания излишне распространил, он четыре раза приезжал к старцу и видел кое-что из рукописей, почитал старца за просвещенного свыше — так сам он говорил, и написал в газете, что от старца Феодосия осталось много богословских рукописей. Я Вам подробно пишу, что осталось: 1) Много выписок об имени Божиим. 2) Переписка с митрополитом Антонием по поводу введения нового

стиля в Греции и разделения монашествующих на Афоне из-за него. 3) Переписка с монахом Иувианом из-за введения нового стиля. 4) Перевод с греческого книги Святогорца Никодима „Исповедник“ для духовников. 5) Вот что заинтересовало отца протоиерея Петра: „Сокровище Святой Православной Церкви, сокращенные жития святых по четьям-миньям святителя Димитрия Ростовского и по Прологу с дополнением из других источников“. И еще „Святоотеческая и аскетическая библиотека“ Слова преподобного Симеона Нового богослова (сокращенные): житие доведено до 21 января от 1 сентября, а слова до 73-го слова. Поздно начал он писать, только за два года до смерти, и то я подзадорил его. 6) Дневник молитвенный его за полтора месяца перед смертью: это он начал заниматься художественной молитвой по „Добротолюбию“ и записывал свои опыты ежедневно». Далее в том же письме отец Никодим пишет: «Житие его написать нет у нас человека, а сам я неграмотный, только и смогу послать Вам, как сумею составить всё, что знаю о старце и что слышал от него, на это надо время, если угодно пришлю после. Любимой его книгой была о молитве, сплетенная в одну несколько. Епитрахили в церкви все его, а одна старенькая и загрязненная, в которой он исповедовал, держал один его почитатель много время, а теперь, собираясь умирать, вернул мне. Какую угодно пришлю»¹².

Получив «Молитвенный дневник старца Феодосия», отец Ростислав набрал его на пишущей машинке и отправил текст схимонаху Никодиму, от которого получил следующий ответ: «Благодарю еще раз за присланные 2 экземпляра „Дневника“. ...Как управитесь с напечатанием на машинке дневника и исповедника, вышлите мне, тогда пошлю Вам еще рукопись старцеву „Беседа об имени Божию“. А Вы так же до издания ее в свет пришлите наперед мне печатанную на машинке. Эта рукопись сокращенно сделана старцем из всех его рукописей (черновики) против имябожничества, она очень нужна будет

для ученых в вопросах, возникающих об имени Божиим. Старец говорил, что имябожничество в брожении, теперь среди ученых смута эта еще не закончена (война помешала), она вновь возгорится в ученых, тогда моя беседа и пригодится. Ведь благодаря трудов старцевых (три года старец исследовал Писание и делал выписки), притихла начавшаяся имябожническая смута на Афоне. Когда приехали архиепископ Никон¹³ с профессором Троицким¹⁴, то не знали, с чего начинать говорить с имябожниками против набранных ими в свою пользу текстов. Профессор Троицкий три дня сидел у старца, взял его выписки и ими поражали в спорах имяславцев. По затушении смуты старцу из Святейшего Синода прислали похвальное свидетельство с иконой Спасителя (византийского стиля) и крест наперсный серебряный позолоченный с такой же цепочкой в футляре. Хотелось бы мне при жизни видеть изданным в свет эту рукопись»¹⁵.

В своем письме от 27 ноября 1955 года старец Никодим описывает свою жизнь на Каруле: «Прочитав Ваше письмо, отец Серафим порадовался и я тоже, что Вы поминаете нас... У меня новость. Отец Серафим поступил в наместники ко мне и привел еще одного старика, 80-летнего пустынника с Капсала иеросхимонаха Афанасия, который начал уже слепнуть, а своей жизнью лучше нас. Будет на покое доживать у нас. Отец Серафим любит совершать по книгам церковное правило и совершает всё по уставу в церкви, и отец Афанасий с ним, а мне малопитательна молитва по книгам. Я молюсь один, как написано в дневнике старцевом. И выходит у нас всеобщая непрестанная молитва: я свечеру, с захода солнца до полунощи, а они — с полунощи до утра. Начинаем устраиваться: требуется старцеву хибарку расширить для отца Афанасия и для воды новую цистерну сделать. А средства ждем от Бога через добрых людей»¹⁶.

Узнав о плохом состоянии здоровья отца Ростислава, старец Никодим в письме от 21 февраля 1963 года советует ему исцелиться путем голодания по методу Суворина, т.е.

40 дней на одной воде: «Мы с отцом Серафимом с охотой начали и этот год в посту держать сорокоуст, а я уже в пятый раз. Советуем и Вам полечиться такой голодовкой, и непременно отойдут от Вас болезни...»¹⁷.

В октябре 1963 года старец Никодим, познакомившись на Святой Горе с прихожанином отца Ростислава Ефремом Евграфовичем Деревцовым, искавшим монашеской жизни, предложил им поселиться на Каруле: «[Ефрем Евграфович] сказал, что послан Вами на Афон, как соглядатай обетованной земли: разузнать о жизни монашеской русских на Афоне. И сам разочаровался, увидел, что не подходяща для его старости ночная молитва, мельком на прощании я сказал ему: если не подходяща для Вас жизнь в русском Ильинском скиту и в Пантелеимоновом монастыре, то приезжайте оба с отцом Ростиславом ко мне, как-нибудь поладим. Итак, если и Вам тоже не по силе ночные молитвы и Вы на самом деле решаетесь уйти из миру и вселиться на Афон, то я предлагаю Вам свою келлию, и устраивайтесь для молитвы по Вашему желанию. Я очень рад буду, если ежедневно будете служить Литургии, а правило церковное пусть и по-русский будет. Жалею, что не побыл у нас на Каруле Ефрем Евграфович, то увидел бы и мою келлию, какое удобство для жизни безмолвнической она имеет. Есть и огородик, и три цистерны воды, и от моря недалеко. Живу я один, 75 лет мне, скоро и смерть, и всё перейдет к грекам. Собрал я библиотеку хорошую книг святых отцев и богословских, и все возьмет Лавра, — жаль, что не русским»¹⁸.

В последнем сохранившемся письме, датированном 7 февраля 1973 года, старец Никодим пишет: «А известно ли Вам, что русских на Афоне монахов осталось лишь 23 человека, в том числе и московских 5 человек, и общающихся с новостильниками, кроме семи зилотов. Вот до чего дошло»¹⁹.

В своих письмах игумен Модест (Шут), прибывший на Афон в 1960 году, тоже описывает жизнь русских святогорцев: «18 июня по старому стилю я прибыл на Святую

Гору в монастырь святого великомученика Пантелеимона, земной жребий Божией Матери. Это настоящее монашеское царство; за неделю своего пребывания я посетил только три монастыря и Карею, где и получил от властей нужный документ на право жительства во Святой Горе. Благолепие здешних храмов напоминает царскую Россию. Здесь много святынь, чудных икон в золотых ризах, церковной утвари и облачений в большом изобилии; разумеется, всё это я видел и в своем монастыре на Новом Афоне, да и наш монастырь красивее здешнего Пантелеимонова монастыря и технически более благоустроен, и постройки более современные; все службы тоже самое, что в Новом Афоне. Всё здесь есть достаточно для жизни, но русские насельники Святой Горы тают как воск, многие келлии пустуют, и в монастырях полное оскудение братий. Например, в Ильинском скиту, который я посетил, 12 человек стариков, которым всем за 70 лет, монастырь обслуживают миряне, величественный собор стоит пустой, в нем уже 10–15 лет не служат, кроме Святой Пасхи и храмового праздника, тоже и в Андреевском скиту всего 60 человек старцев. В соборе не служат более десяти лет. В Андреевском скиту пожар уничтожил богатейшую библиотеку и многие строения на миллионы долларов... Раньше в Пантелеимоновом монастыре было не меньше 15 ранних литургий, а теперь бывает одна ранняя и одна поздняя литургия; службы хоть и бывают полностью, но певчих почти нет, на клиросах стоит 1–2 глубоких старца — что же можно от них требовать? Келлии теперь почти пустуют. У нас на Старом Русике громадный собор 3-х престольный, вмещающий более 2 тысяч человек, прекрасный иконостас позолоченный, с чудными иконами в иконостасе и в киотах среди храма, большой двухэтажный дом с тремя домовыми церквями, и живет там всего один иеромонах — серб отец Стефан, который и служит каждый день литургию, псаломщик у него один пустынник, который приходит из келлии. У них хороший огород и сады. Здесь при желании можно

нести любой подвиг. Разумеется, трудно всё описать, да я еще и в своем монастыре не был во всех церквях, где уже не служат за неимением священнослужителей»²⁰.

В сентябре 1964 года отец Модест сообщает отцу Ростиславу: «Милостью Божиею и Вашими святыми молитвами по-прежнему пребываю в обители святого великомученика Пантелеимона. Занимаю служебную седмицу, небольшую обязанность в ризнице и клиросное послушание. В настоящее время самое трудное послушание в монастыре — это клиросное, ибо весьма оскуде преподобный. Давно уже настоящие певчие отошли в вечность, теперь о торжественных службах и говорить нечего, но всё же службы — полный круг — совершаются в двух храмах неопустительно и две литургии бывает каждый день». Далее в том же письме отец Модест упоминает старца Никодима и выражает свое отношение к заветному желанию отца Ростислава: «Собираюсь посетить отца Никодима. У него хороший скит с прекрасной каменной церковью. Для Вас, дорогой отец Ростислав, лучшего искать не придется. Захватите с собой Ефрема Евграфьевича, приезжайте и подвизайтесь для спасения своей души. Для подвигов Каруль — это самое удобное и тихое место. Но, с другой стороны, не всё то угодно Богу, что нам кажется хорошим. Слова Господа апостолу Петру: „Симоне Ионин, любиши ли Мя? Паси овцы Моя“ — означают пастырство, служение и проповедь Слова Божия своим пасомым. Священство выше монашества, ведь не всякий может быть добрым пастырем, подобным Вам, а монахом может быть кто угодно, даже неграмотный. Владыка Савва²¹, видимо, прав, что не благословляет Вас на житие на Святой Горе. Такие пастыри, как Вы, весьма нужны на приходах в переживаемое нами время, когда тайна беззакония уже открыто деется. Я склонен думать, что не ошибаюсь в своих суждениях»²².

Не удостоившись благословения на оставление своих обязанностей в миру от архиепископа Саввы

(Раевского), правящего архиерея Австралийско-Новозеландской епархии, в то время остро нуждавшейся в опытных священниках, отец Ростислав нашел поддержку в наставлении, преподанном ему при личной встрече с архимандритом Антонием (Ямщиковым)²³, насельником Свято-Троицкого монастыря в Джорданвилле, сказавшим: «Вожделенного монашеского подвига необязательно найдешь в ношении клобука и мантии, а в сердце своем». В последние годы жизни отец Ростислав находил утешение в частом совершении богослужений, в окормлении многолюдной приходской общины и монашествующих в Сиднее, в общении с родными, единомышленниками и молодежью. Пастырски окормляя Богородице-Казанскую женскую обитель «Новое Шамордино», он любил уединяться здесь для молитвы, богомыслия и чтения святоотеческой литературы, устроив для себя келлию в одной из пещер в близлежащем лесу. Память об этом месте его личного молитвенного подвига сохраняется насельницами и богомольцами, посещающими этот женский монастырь. Недалеко отсюда находился и епархиальный свечной завод, на котором работал монах Гурий (Демидов), насельник Иоанно-Предтеченского скита в Сиднее²⁴, собравший богатейшую библиотеку литературы о молитве Иисусовой и скончавшийся в 1992 году. Он тоже много времени проводил в отшельничестве в этой пещере.

Заключение

Говоря об исторической составляющей изученных эпистолярных источников, можно сделать следующие выводы. В русской эмиграции были пастыри, аскетически настроенные, близкие по своему духовному устройению праведному Иоанну Кронштадтскому. Из первого письма с Афона отца Иустина рисуется тяжелая картина положения русских святогорцев, несколько облегчившегося после пополнения Пантелеимонова монастыря монахами из

России. Интересно ранее не встречавшееся упоминание о связях с Афоном настоятеля Троицкой церкви в Белграде протопресвитера Петра Беловидова. Пророческими оказались слова старца Феодосия Карульского об оживлении интереса к теме имяславия после падения коммунистической власти. Это же письмо отца Никодима содержит ценные свидетельства об источниках к изучению афонской смуты 1913 года и подробности посещения Афона делегацией Святейшего Синода. Конечно же, в переписке проходит тема печального противостояния между русским и греческим монашеством. Интересно узнать, что в годы холодной войны Афон служил своего рода «антикварной лавкой» для русского зарубежья.

Говоря о духовной составляющей писем с Афона, находящихся в архиве семьи Ган, можно отметить следующее. В вышеприведенных письмах чувствуется скорбь о бедственном положении русского монашества на Афоне, об «оскудении преподобного», о безбожных гонениях, постигших Отечество; тоска по былом процветании русских обителей и стремление к сохранению и защите достояния Матери-Церкви. Читая эти письма, поражаешься героизму и исповедническому подвигу как монашествующих-святогорцев, так и духовенства и мирян Зарубежной Руси, с любовью и благоговением охранявших и оберегавших святыни, душеполезные книги и отеческие предания для будущих поколений, с упованием молившихся о возрождении веры и Церкви.

И теперь каждый священнослужитель, монах или мирянин, поставленный Богом в сложные условия служения Церкви Христовой или подвизающийся в тяжком одиночестве, может и должен утешаться и воодушевляться добрым примером крестоношения русских святогорцев XX века, помня, что его труды, болезни и терпение не напрасны. Наоборот, они свидетельствуют о Промысле Божиим и со временем принесут свои плоды как в его личной, внутренне-сокровенной жизни, так и в жизни и деятельности будущих поколений.

Вечная память русским святогорцам и подвижникам нашей Матери-Церкви, с любовью служившим ей и через Афон искавшим с ней живую связь на чужбине!

Примечания

¹ Архиепископ Ювеналий (Килин) родился 19 апреля 1875 г. в с. Арзамасцево Сарапульского уезда в крестьянской семье. Поступил в Белогорский Николаевский монастырь близ Перми (1896). Принял монашество (1900). Заведующий Белогорским подворьем в Перми (1904). Строитель Спасо-Преображенской Фаворской пустыни (1909). Игумен (1912). Архимандрит. Эмигрировал в Харбин (1920). Настоятель Казанско-Богородицкого монастыря в Харбине. В течение 10 лет был редактором духовно-нравственного журнала «Хлеб небесный», издаваемый типографией Казанско-Богородицкой обители в Модягоу (Китай). Епископ Синьцзянский, викарий Пекинской миссии (1935). Возвратился в Россию (1947). Епископ Челябинский и Златоустовский (1947), Иркутский и Читинский (1948). Архиепископ Омский и Тюменский (1949), Ижевский и Удмуртский (1952). Перед кончиной принял схиму с именем Иоанн (1958). Скончался 28 декабря 1958 г. в г. Ижевске.

² Архимандрит Модест (Шут) родился в селе Субботове Киевской губ. 11 ноября 1892 г. Он был послушником на Новом Афоне с 1911 г. и пострижен там же в монашество в 1922 г. После изгнания оттуда братии в 1924 г. он некоторое время скитался в горах, потом в 1930 г. был сослан в Вышерские лагеря, затем переведен на рыбные заготовки во Владивосток, откуда в 1933 г. бежал в Дайрен и Пекин. Там он в 1934 г. рукоположен во иеродиакона, а в 1936 г. — во иеромонаха. В сан игумена был возведен в июле 1949 г. за большие заслуги по окормлению оказавшихся на Филиппинах русских беженцев из Шанхая. В 1950-х гг. служил под омофором святителя и чудотворца Иоанна (Максимовича) в Брюсселе, а в 1960-х — в Пантелеимоновской обители на Афоне. Скончался духовником Спасо-Вознесенской женской обители на Елеоне в 15 августа 1984 г.

³ Родился в 1859 г. и при крещении был наречен Димитрием.

Родители его Иван и Фаина Юшковы были граждане г. Сарапула и занимались мелкой торговлей. К двадцати годам Димитрий решил стать монахом. В 1882 г. он прибыл на Афон. Колыбелью своей иноческой жизни он избрал русский Пантелеимоновский монастырь, где духовным наставником молодого человека стал богомудрый иеросхимонах Иероним (Соломенцов). На Афоне отец Денасий прославился своей любовью к отшельникам, которых он посещал, помогая им милостыней от Пантелеимоновой обители. Своими впечатлениями от своих путешествий по Афону он записывал и помещал в «Душеполезном собеседнике». Схимонах Денасий считался сотрудником «Хлеба Небесного», редактором которого был архимандрит Ювеналий (Килин).

⁴ Иеросхимонах Иероним (Соломенцов), афонский старец и духовник (1802–1885).

⁵ «К 80-летию со дня рождения протоиерея Ростислава Гана», Православная Русь (№ 16, 1991 г.).

⁶ Митрополит Анастасий (Грибановский). Родился 6 августа 1873 г. в Тамбовской губернии в семье священника. Окончил Тамбовскую духовную семинарию и Московскую духовную академию (1897). Постригся в монахи в Тамбове (1898). Архимандрит и ректор Московской духовной семинарии (1901). Епископ Серпуховский, викарий Московской епархии (1906), Холмский и Люблинский (1914), Кишиневский (1915). Архиепископ Кишиневский и Хотинский (1916). Член Поместного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг., председатель комиссии по выработке порядка избрания Патриарха и его наставления. На Соборе был избран членом Св. Синода и Высшего Церковного Совета (декабрь 1917 г.). Покинул Россию в 1919 г. Стоял во главе Русской Зарубежной Церкви с 1936 по 1964 г. Скончался 22 мая 1965 г.

⁷ Письмо архимандрита Иустина, игумена русского на Афоне Пантелеимонова монастыря, протоиерею Ростиславу Гану от 8/21 марта 1956 г.

⁸ Письмо схимонаха Никодима протоиерею Ростиславу Гану от 15/28 июля 1959 г.

⁹ Письмо схимонаха Никодима протоиерею Ростиславу Гану от 6/19 октября 1968 г.

¹⁰ Письмо игумена Модеста (Шута) протоиерею Ростиславу Гану от 25 августа/7 сентября 1964 г.

¹¹ Протопресвитер Петр Беловидов (1869–1940). Уроженец Ставропольского края, законоучитель и настоятель соборов в Карсе и Новороссийске. В 1920 г. — основатель и первый настоятель русского Троицкого прихода в Белграде. Был одинок. Супруга осталась в Союзе, а два сына погибли в рядах Белой армии. Был также регентом церковного хора. Законоучитель в 1-й русско-сербской гимназии в Белграде. За великие заслуги перед Церковью награжден митрополитом Антонием (Храповицким) саном протопресвитера, так что и в Белграде служил всегда «первым», кроме как если в богослужениях принимали участие архимандрит Кирик, духовник Пантелеимоновского монастыря, или преподобный Иустин (Попович). Скончался отец Петр в Великую субботу 1940 года, до последнего издыхания, в постели, совершая службы 12-ти Евангелий, выноса плащаницы и последования плача Богородицы.

¹² Письмо схимонаха Никодима протоиерею Ростиславу Гану от 15/28 апреля 1954 г.

¹³ Архиепископ Никон (в миру — Николай Иванович Рождественский; 4 апреля 1851, с. Чашниково, Российская империя — 12 января 1919, Троице-Сергиева Лавра) — епископ Русской Церкви, с апреля 1906 г. Вологодский и Тотемский (впоследствии на покое); богослов, публицист; политический и государственный деятель Российской империи.

¹⁴ Сергей Викторович Троицкий (14 марта 1878, Томск, Российская империя — 27 ноября 1972, Белград, Югославия) — русский православный богослов-канонист и церковный историк, автор ряда работ по церковному праву, доктор церковного права (1961).

¹⁵ Письмо схимонаха Никодима протоиерею Ростиславу Гану от 14/27 ноября 1955 г.

¹⁶ Письмо схимонаха Никодима протоиерею Ростиславу Гану от 15/28 июля 1959 г.

¹⁷ Письмо схимонаха Никодима протоиерею Ростиславу Гану от 8/21 февраля 1963 г.

¹⁸ Письмо схимонаха Никодима протоиерею Ростиславу Гану от 9/22 октября 1963 г.

¹⁹ Письмо схимонаха Никодима протоиерею Ростиславу Гану от 25 января/7 февраля 1973 г.

²⁰ Письмо игумена Модеста (Шута) протоиерею Ростиславу Гану от 27 июня/10 июля 1960 г.

²¹ Архиепископ Савва (Раевский). Родился 10 февраля 1892 г. в г. Ефремов Тульской губернии в дворянской семье. Окончил Тульскую духовную семинарию (1911) и юридический факультет Варшавского университета (1916). В 1920 г. эвакуировался с частями Белой армии на о. Лемнос. Затем переехал в Югославию. Окончил Богословский факультет Белградского университета (1935). В 1948 г. переехал в США. В 1948–1954 гг. настоятель Свято-Владимирской церкви в г. Майами (шт. Флорида, США). Один из основателей Братства св. великомученика Пантелеимона при Свято-Владимирской церкви в Майями (1950). После смерти жены принял монашество в Свято-Троицком монастыре в г. Джорданвилль (США) и был хиротонисан во епископа Мельбурнского. В 1955–1970 гг. архиепископ Сиднейский и Австралийско-Новозеландский. Скончался в 1976 г.

²² Письмо игумена Модеста (Шута) протоиерею Ростиславу Гану от 25 августа/7 сентября 1964 г.

²³ Родился 7 октября в селе Галладия Новгородской губернии. До революции состоял на военной службе. Воевал в Белой армии. Эмигрировал в Болгарию, где работал на шахте под Софией. В 1932 г. переехал в Чехословакию, на Карпатскую Русь, в село Ладомирово, где с 1923 г. действовало миссионерское монашеское братство. В 1933 г. принял постриг и начал нести послушание печатника. В 1946 г. вместе с братией переехал в Свято-Троицкую обитель в г. Джорданвилль (США). В Джорданвилле до 85 лет нес послушание печатника в издательстве преподобного Иова Почаевского. Духовник монастыря. Скончался 23 сентября 1993 г. Похоронен на братском кладбище в Джорданвилле.

²⁴ По времени основания это одна из старейших православных обителей Австралии, но не всегда в ней сохранялась монашеская жизнь. В 1956 г. архиепископ Савва благословил иеромонаха Димитрия (Обухова) основать монастырь в Кентлине (Сидней), определив ему в помощь трех послушников. Однако в 1959 г.

о. Димитрия перевели на приход в г. Джилонг, двое послушников вернулись в мир, а третий целиком был занят трудами на свечном заводе, построенном рядом со скитом. В 1960 г. здесь поселился монах Гурий (Демидов), прибывший в Австралию как беженец из Харбина (Китай). В 1988 г. по телесной немощи о. Гурий переселился в близлежащий женский монастырь «Новое Шамордино», а умер в 1992 г. 98 лет от роду. Недостроенное здание скита тем временем пустовало более десяти лет, пока в 1999 г. сюда не пришел иеромонах Иоаким (Росс), православный австралиец. Он восстановил монашескую жизнь в скиту, а также начал миссию среди австралийцев. Он, в частности, издает православный журнал на английском языке «The Voice». В его планах также завершить строительство скита, начатое при о. Гурии. Богослужение теперь совершается на английском языке.